

М. В. Куцаева

К ВОПРОСУ О НОМЕНКЛАТУРЕ МАРИЙСКИХ ИДИОМОВ

В статье рассматривается номенклатура марийских идиомов и прежде всего вопрос о количестве марийских языков. Юридический статус, закрепленный за марийским в качестве одного из государственных языков наряду с русским языком в Республике Марий Эл, в Конституции Республики Марий Эл имеет формулировку «*марийский (горный, луговой)*». С социолингвистической, как впрочем и с лингвистической точки зрения, ответ на вопрос о количестве марийских идиомов остается неоднозначным, в настоящее время мнения разделились: одни исследователи констатируют существование марийского языка, другие – марийских языков. Приводится краткий обзор научной и справочной литературы советского и постсоветского периода, фиксирующий номинации марийских идиомов в разное время. Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что признание марийского языка или марийских языков зависело от категоризации горномарийского идиома либо в качестве одного из наречий (диалектов) марийского (что было связано с усилиями по созданию единой нормы марийского литературного языка), либо в качестве самостоятельного языка (и было обусловлено экстралингвистическими факторами, в частности, политическим стремлением горных марийцев закрепить особый статус за территорией проживания субэтнической группы и признать ее идиом в качестве языка, а не диалекта). Несомненный научный интерес представляет ответ на вопрос о том, как марийские идиомы воспринимаются самими носителями марийского – сколько, по их мнению, марийских языков. В целях решения данной задачи в рамках проекта по социолингвистическому обследованию в марийской диаспоре московского региона респондентам был задан вопрос относительно номинаций марийских идиомов. Результаты достоверны, поскольку выборка включает представителей всех субэтнических групп марийского этноса и, соответственно, является репрезентативной, т. е. отражает генеральную совокупность в миниатюре. Опрос показал, что номинация марийских идиомов в большей мере обусловлена субэтнической принадлежностью респондента, личным опытом общения с представителями других субэтнических групп, а не юридическим статусом, закрепленным за тем или иным идиомом. Среди тех, кто отметил марийский язык (20 % ответов в выборке), подавляющее большинство – луговые марийцы, частично – внереспубликанские (преимущественно уроженцы Башкортостана) и ни одного горного марийца. Большинство опрошенных (представители всех субэтнических групп) было указано «два марийских языка» (56 % всех ответов) или «несколько (больше двух) марийских языков» (24 %).

Ключевые слова: *марийский язык, лугово-восточный марийский язык, горномарийский язык, литературный язык, юридический статус языка.*

Введение

Марийцы – автохтонное население Среднего Поволжья. До Октябрьской революции в отношении марийцев использовался экзоним «черемис», который до сих пор не имеет ясной этимологии. Этноним «мари», восходящий к марийскому корню, означавшему также «муж, человек, мужчина», вошел в употребление в русскоязычной литературе только в XX в. (Коведяева, Николаева, 2001: 274), что в более широком контексте было связано с подъемом национального самосознания, формированием в 1917 г. марийского движения «Мари Ушем», установлением Советской власти и образованием Марийской автономной области (республики) в 1920 г. (Иванов, Сануков, 2015: 215–239).

Вследствие ряда исторически обусловленных причин (Сепеев, 2006) (Козлова, 1978) сложилось два основных ареала проживания марийцев – первичный поволжский (средне-волжский) и вторичный приуральский (камско-уральский) (Сепеев, 2006: 112); контакты с соседствующими народами привели к формированию трех субэтнических групп марийцев – горных, луговых, восточных (Петров, 1994: 229) и выделению четырех наречий (диалектов) марийского языка (горное, луговое, восточное и северо-западное (Коведяева, Николаева, 2001: 277), последний идиом, при существовавшем ранее делении марийского языка на три диалекта (луговое, горное и восточное), входил в состав горного наречия

(Коведяева, 1987: 13), ныне, при самостоятельном бытовании в качестве особого диалекта, включает в себя особенности как горного, так и лугового наречий и распространен в Кировской области, отдельных районах Республики Марий Эл, в Нижегородской области (Ипакова, 2013: 115).

На территории Российской Федерации проживают 547 605 марийцев, из них 290 863 человека в Республике Марий Эл, составляя 41,8 % от ее населения (ВПН). Остальные марийцы (46,9 % от всего марийского населения РФ) проживают как компактными (в Башкортостане, Татарстане, Удмуртии, в Кировской, Свердловской, Нижегородской областях, Пермском крае), так и дисперсными группами во многих других регионах страны. В зависимости от места и особенностей расселения этнической группы на территории Российской Федерации (отдельное административно-территориальное образование, место компактного расселения) за ее этническим языком закрепляется тот или иной статус или, в случае дисперсного проживания группы, – не закрепляется. Статус марийского языка в качестве государственного наряду с русским языком закреплён в Конституции Республики Марий Эл (гл. I, ст. 15), а также в Законе «О языках в Республике Марий Эл» (гл. I, ст. 1). В местах компактного расселения (напр., Республики Башкортостан, Татарстан) марийский используется в сфере образования. В местах дисперсного расселения марийцев марийский язык может быть рассмотрен в качестве языка внутренней диаспоры (Агранат, Куцаева, 2020).

Социолингвистическое обследование проводилось автором статьи в 2019–2021 гг. в марийской диаспоре Московского региона; выборка составила сто респондентов первого поколения (выходцы из Республики Марий Эл, а также мест компактного проживания марийцев (Башкортостан, Татарстан, Кировская и Свердловская области) (см. табл. 1).

Таблица 1

Место рождения и проживания респондента на малой родине

Место рождения респондента	Доля респондентов, %
РМЭ, один из районов распространения лугового марийского	58
РМЭ, Горномарийский район, район распространения горномарийского	13
Республика Башкортостан	18
Республика Татарстан	3
Кировская область	5
Свердловская область	2
Районы дисперсного расселения марийцев	1

Общая цель проекта заключалась в выявлении и описании функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры: ранее были изучены такие аспекты, как межпоколенная передача марийского языка (Куцаева, 2021a), функции марийского языка в диаспоре (Куцаева, 2021b), вопрос языковой лояльности и этнической идентичности (Куцаева, 2020), проблема новых носителей марийского (Куцаева, 2021c). В этих и других работах обобщенно говорилось о марийском языке, поскольку проблема количества языков (два (горный и луговой) или один (марийский)) представлялась нерелевантной в рамках заданной тематики; между тем ответ на вопрос о количестве марийских языков остается неоднозначным как с лингвистической точки зрения (ср. (Ипакова, 2013) и (Кашкин, 2018)), так и с социолингвистической («государственными языками в Республике Марий Эл являются марийский (горный и луговой) и русский языки» (Конституция РМЭ) (Закон 1995 г.)). В этой связи несомненный научный интерес представляет ответ на вопрос о том, как марийские идиомы воспринимаются самими носителями марийского: сколько, по их

мнению, марийских языков. В целях решения данной задачи в рамках проекта автором был сформулирован отдельный вопрос относительно номинации марийских идиомов в представлении респондентов, выходцев из разных мест компактного расселения марийского этноса, в своей совокупности образующих репрезентативную выборку, отражающую генеральную совокупность в миниатюре.

В статье рассматривается, во-первых, проблема номинаций марийских идиомов (а значит, и вопрос количества марийских языков) в том виде, в котором они представлены в справочной и научной литературе советского и постсоветского периода (в зависимости от того или иного периода изменяется и интерпретация марийских идиомов); во-вторых, будет проведен анализ номинаций марийских идиомов по результатам опроса среди представителей марийской диаспоры Московского региона с обозначением ключевых факторов, влияющих на данные номинации.

Номенклатура марийских идиомов: обзор научной и справочной литературы

В силу исторических причин (подробнее см. (Иванов, 1975)) в марийском языке сложились две литературные нормы. Первые попытки создания единого литературного языка относятся к 1920 гг., однако вопрос о выборе диалектной основы литературного языка оказался непростым, поскольку его решение осуществлялось на фоне острой политической борьбы, развернувшейся между луговыми и горными марийцами в ходе образования и развития марийской автономии (так называемый «горномарийский вопрос») с требованием, в частности, предоставить Горномарийскому району особый статус в составе МАО или обеспечить его вхождение в состав Нижегородского края; в тот момент создание единой литературной нормы воспринималось горными марийцами в качестве «луговизации» или, по выражению В. А. Мухина, необходимости «переварить горных мари в луговом котле» (Сануков, 2013: 154–161). Характерно, что, несмотря на курс, взятый в 1929 г. на сохранение и развитие двух форм марийской письменности (Галкин, Сибатрова, 2013: 103), не было выработано четкой дефиниции относительно статуса горномарийского идиoma. К примеру, в 1937 г. в ходе проведения научной конференции по проблемам марийского языка (обсуждались, в частности, вопросы алфавита и орфографии двух литературных языков), редакторами материалов конференции в протоколе была зафиксирована формулировка «горно-марийское наречие». Впоследствии бюро обкома партии восстановило первоначальное решение делегатов и признало данный термин «неправильным и вредным» и постановило «считать, что в МАССР существуют два марийских языка: лугово-восточный и горно-марийский» (Сануков, 2013: 210). Попытки создания единой литературной нормы, предпринятые во второй половине 1920-х, как, впрочем, и в дальнейшем, в 1950-х и в 1990-х, не увенчались успехом (Галкин, Сибатрова, 2013: 103). Таким образом, факторы как лингвистического, так и экстралингвистического характера (в частности, политические устремления горных марийцев добиться признания особого статуса Горномарийского района, а значит, и статуса горномарийского языка как в 1920-х гг., так и в 1990-х гг., в период парада суверенитетов) влияли на номинации марийских идиомов.

Проведем краткий обзор научных и справочных источников советского и постсоветского периода, фиксирующих эти процессы.

В издании «Большой советской энциклопедии» (БСЭ) 1938 г. приводится следующее определение: «Марийский язык (в дореволюционной лингвистической литературе – «черемисский язык»), точнее марийские языки, распространены в Марийской АССР <...> Один из м. я. называется лугово-марийским, другой – горно-марийским, на обоих в 1926 году говорило 426.000 человек. Каждый из них имеет литературное оформление» (БСЭ, 1938: 138). В статье особым образом расставлены акценты: несмотря на то, что приводятся результаты

переписи населения 1926 г. по общему количеству носителей марийского языка и сама статья озаглавлена «Марийский язык», в конечном счете констатируется наличие двух языков. Заметную роль здесь сыграл и тот факт, что в августе 1929 г. в Йошкар-Оле перед участниками языковой экспедиции Н. Я. Марром была прочитана лекция с изложением тезиса о том, что горное и луговое наречия представляют собой два языка; перед марийскими лингвистами Н. Я. Марром была поставлена задача – разработать литературный язык «с использованием одинаково всех разновидностей марийского языка как равноценных его представительниц на различных ступенях развития» (Марр, цит. по (Иванов, 1975: 93). Развенчание марровского мифа о новом учении о языке пришлось на 1950 г. (подробнее см. (Алпатов, 2011), в связи с чем несколько изменилась и риторика высказываний, и оценка перспектив объединения двух литературных норм: «Учение Н. Марра особенно негативно сказалось на развитии литературного языка, а отдельные прямые высказывания Н. Марра служили основой для выделения двух марийских языков» (Иванов, 1975: 209), «на научной сессии 1953 г. большинство выступавших высказались за то, чтобы в основу единого общемарийского литературного языка положить лугово-восточный литературный язык», кроме того, были обсуждены «конкретные мероприятия, которые необходимо провести для подготовки условий к переходу в будущем на единый общенациональный литературный язык» (Исанбаев, 1959: 442), путь к языковому объединению, к единому литературному языку представлялся через создание единого письма (Иванов, 1975: 209–210). Данные изменения нашли отражение в статье, опубликованной в БСЭ в 1954 г.: «Марийский язык – язык народа мари (прежнее название – черемисы). <...> В марийском языке различаются 3 основных местных диалекта: горный, луговой и восточный, на базе которых выработаны две литературные нормы: горно-марийская и лугово-восточная марийская. Число говорящих свыше 481 тыс. чел. (1939)» (БСЭ, 1954: 283) и в цитируемой выше статье «Марийский язык» (Исанбаев, 1959).

Однако десятилетие спустя в авторитетном издании «Языки народов СССР» выходит статья «Марийские языки», при этом подглавы в статье располагаются не в алфавитном порядке: первой приводится статья по лугово-восточному марийскому языку (по-видимому, как более значимому и имеющему более мощную этнодемографическую базу) (Коведяева, 1966а), далее – материалы по горномарийскому языку (Коведяева, 1966б), при этом отмечается, что «на основе лугового и восточного наречий сформировался лугово-восточный марийский литературный язык, а на основе горного наречия – горномарийский литературный язык. Основное различие между этими языками наблюдается в области фонетики и лексики. Синтаксические же различия между ними незначительны. В каждом из этих языков есть несколько диалектов» (Коведяева, 1966а: 223–224). В 1974 г. очередное издание «Большой советской энциклопедии» содержит статью «Марийский язык»: в ней приводятся данные о местах компактного расселения марийцев, число говорящих по итогам переписи 1970 г., выделяются уже четыре наречия: луговое, восточное, горное и северо-западное, констатируется существование двух разновидностей «письменного марийского языка: лугово-восточный и горно-марийский» (Коведяева, 1974: 371). Авторству Е. И. Коведяевой принадлежит и другая статья того же периода «Марийский язык», с пометой в сноске: «Правоммерно и выражение “марийские языки”, когда речь идет о литературных языках, поскольку имеются отдельные горномарийский и лугово-восточный марийские литературные языки» (Коведяева, 1976: 3).

В начале 1990-х гг. открывается новая страница в истории номинаций идиомов марийского. На волне этнической мобилизации происходит подъем национальных движений, охвативших и автономные республики. В 1990 г. возрождается союз мари «Мари ушем», на учредительном съезде которого приоритетными задачами провозглашаются возрождение и развитие родного языка и культуры, в области языковой политики выдвигается задача

разработать и принять закон о языках с приданием марийскому языку статуса государственного, более того, отмечается необходимость признания горномарийского языка полноправным *литературным языком* (Кондрашкина, 2008: 76–77). В республиканских СМИ началось активное обсуждение проекта закона о языках. В очередной раз вскрылись противоречия между горными и луговыми марийцами. Полемика прежде всего коснулась вопроса о том, сколько же всего марийских языков: один или два? В проекте закона о языках, составленном проф. И. Г. Ивановым (луговым марийцем) и опубликованном в СМИ в 1991 г., горномарийский был назван вариантом марийского литературного языка, в ответ на это в 1992 г. вышла статья горномарийского языковеда Л. П. Васиковой, в которой постулировалось существование двух языков – «равнозначных, равновеликих (с лингвистической точки зрения)», но «самостоятельных в наиболее устойчивых областях внутренней системы языка: фонетической, фразеологической, сочетаемости слов». «Нет единого общего марийского языка (так распорядилась история). Есть два марийских литературных языка: лугомарийский и горномарийский. Если горномарийский язык – наречие, то точно таким же наречием (с точки зрения лингвистики) является лугомарийский. Почему же одному из наречий (луговосточному) присваивается статус государственного языка, а другому (горномарийскому) нет? Государственным может быть только нормированный (с литературными нормами) язык. Кроме разницы в демографической мощности (говорящих на горномарийском языке меньше, чем на лугомарийском, на лугомарийском говорят и восточные марийцы), нет других различий, по которым горномарийский в сравнении с лугомарийским не мог бы стать государственным» (Васикова, 1996: 110–115). Полемика относительно проблемы двух языков продолжилась и в последующие годы в столь же эмоциональном ключе: в частности, оппоненты Л. П. Васиковой указывали, что «горномарийская литературная норма по сравнению с луговосточной не может претендовать на роль общемарийского языка», «литературный язык горных марийцев базируется на обоих говорах», ввиду слабой демографической базы «горномарийская литературная норма не может считаться наддиалектной», тогда как «иную природу имеет лугово-восточный литературный язык. Он создан на основе моркинско-сернурского говора лугового наречия и языковых традиций восточных марийцев и является общеупотребительным для большинства марийцев». Наконец, несостоятельными представлялись авторам утверждения о том, что, во-первых, «марийские литературные языки – «равновеликие», поскольку «в отличие от лугово-восточного, по горномарийскому литературному языку, кроме орфографического словаря, нет других нормативных источников»; во-вторых, что они «равноправные» и «равновесные» (здесь не следует путать с их юридическим положением). Равноправными и равновесными могут быть только литературные языки, которые способны заменять друг друга функционально, распространяясь на одной и той же территории. Литературные языки у марийцев не являются таковыми» (Народы Поволжья и Приуралья, 2000: 203). Острая полемика, очевидно, не могла не повлиять на номинации марийских идиомов в научной литературе. В 1993 г. в серии «Языки мира» («Уральские языки») выходит статья «Марийский язык»: в разделе «Общие сведения» содержится информация о том, что существуют два литературных марийских языка. Вслед за основной статьей, касающейся марийского языка (априори подразумевается лугово-восточный вариант литературного марийского языка) (Коведяева, 1993а), приводится отдельный раздел «Горномарийский вариант литературного марийского языка» (Коведяева, 1993б).

Результатом непростого всенародного обсуждения языковых проблем стал Закон Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл», принятый Государственным Собранием Республики 21 октября 1995 г., согласно статье 1 гл. 1 которого государственными языками Республики Марий Эл были установлены марийский (горный и луговой) и русский языки (Закон, 1995). Соответственно, изменяются и номинации марийского

в научной литературе, во всяком случае в отношении количества идиомов. В 2001 г. в энциклопедии «Языки Российской Федерации и соседних государств» в алфавитном порядке приводятся уже две статьи: сначала статья «Марийский горный язык» (Грачева, 2001), затем статья «Марийский лугово-восточный язык» (правда, в самой статье авторы называют предмет своего исследования марийским языком, без уточнения, что это лугово-восточный, исключение составляет раздел, касающийся литературной нормы) (Коведяева, Николаева, 2001). В пределах одного научного издания горномарийский признается то отдельным *языком*: «М.Г.я. является литературным. Имеет статус государственного в своем регионе наряду с лугововосточным и русским», «по сравнению с луговым, в языке горных мари лучше сохранились древние черты, присущие финно-угорским языкам», «В М.Г.я. выделено два диалекта: горных марийцев, живущих на правом берегу Волги (*кырык мары* «горные марийцы»), и марийцев, живущих на левом берегу Волги (*кожла мары* «лесные марийцы»). В диалектах выделяются говоры, различия между которыми незначительны» (Грачева, 2001: 267): «В современном марийском языке различают четыре наречия (диалекта): луговое, восточное, горное и северо-западное» (Коведяева, Николаева, 2001: 277). В 2012 г. в БСЭ выходит статья «Марийские языки», автором приводится следующая номенклатура марийских идиомов: «название четырех наречий и двух литературных языков марийцев, относящихся к финно-волжским языкам. Горное и луговое наречия имеют литературные нормы: горно-марийский язык (на основе козьмодемьянского говора горного диалекта) и луговой марийский язык (на базе моркинско-сернурского диалекта), являющиеся государственными в Республике Марий Эл» (Кондрашкина, 2012: 125–126). Спустя всего несколько лет в энциклопедии «Язык и общество» этот же автор публикует статью «Марийский язык», в разделе «внутренняя структура языка», дает членение марийского на горный марийский язык и луговой марийский язык (Кондрашкина, 2016: 268–272). В настоящее время в трудах марийских исследователей фиксируется «марийский язык» (Ипакова, 2013), тогда как сотрудники проекта «Языки России» ИЯз РАН выделяют горномарийский *язык* с пометой «ранее объединялся вместе с лугово-восточным марийским языком в единый марийский язык» (Языки России).

Таким образом, номинация марийских идиомов зависела от категоризации горно-марийского идиома либо в качестве *диалекта* (*наречия*) марийского языка и была связана с усилиями по созданию единой нормы марийского литературного языка, либо в качестве самостоятельного *языка* и была обусловлена экстралингвистическими факторами политического характера.

Номинация марийских идиомов среди представителей марийской диаспоры Московского региона

В рамках проведенного автором статьи социолингвистического обследования респондентам, представителям всех субэтнических групп марийского этноса, в настоящее время проживающим на постоянной основе в Московском регионе и образующим внутреннюю диаспору, был задан вопрос относительно номинаций марийских идиомов. Более половины респондентов в выборке (56 %) указали на два марийских языка (горный и луговой), 24 % выразили мнение, что марийских языков «несколько: больше двух» и 20 % считают, что марийский язык – один.

Среди респондентов в выборке, указавших «один марийский язык», – 13 человек являются уроженцами Республики Марий Эл (районов распространения лугового марийского), семь человек – уроженцы мест компактного расселения марийцев (Республики Башкортостан, Татарстан и Свердловская область). Горных марийцев в данной группе не представлено. Под «одним» марийским языком респонденты подразумевают в том числе

и «единый» литературный язык, особенно те, кто изучал марийский язык в качестве профильного предмета в университете или институте (педагогические отделения факультетов марийской филологии). «Один, я считаю. Один литературный марийский язык. А остальные, у нас, получается, марийские наречия. Дialectы. Ну я знаю литературный, так как училась. Но, наверное, я так уже немножко подзабыла. Это ж надо практиковать! Практиковать каждый день. А в Башкирии, когда мы приезжаем туда на родину, у нас, естественно, свой диалект. Там слова отличаются от литературного марийского языка. Ну, потому что у нас больше заимствований с татарского языка. Вот поэтому. С мужем мы разговариваем не на литературном, конечно, – на своем!» (смеется) (№ 71, Ж., 47)¹. Отметим, что большинство респондентов, выразивших мнение, что марийский язык – один, являются луговыми марийцами. Главными аргументами, выдвинутыми опрошенными в подкрепление своей точки зрения, являются величина этнической группы и ее численное преобладание над горными марийцами, и как следствие – мощная демографическая база лугового марийского языка и общеупотребительность лугово-восточного литературного языка для большинства марийцев (Народы Поволжья и Приуралья, 2000: 203). «Марийский язык – он один, наверное, есть и диалекты. У нас даже в Республике Марий Эл есть горные и луговые марийцы, главные – это луговые мари. Тот район, где я родилась, – это луговые мари. У нас очень литературный язык» (№ 18, Ж., 34). «Я считаю, что все равно язык один, который все понимают. Это луговой, наверное. Потому что горномарийцы, конечно, когда разговаривают, я понимаю хорошо. А основной язык, естественно, – луговой, который все знают. Я считаю, что основа марийского – это луговых, а у горных это вот... диалект просто такой» (№ 104, М., 60). Бытование нескольких марийских языков некоторыми респондентами напрямую связывается с политическими настроениями 1990-х гг. «Ну, марийский язык, он вообще, по сути, – он один. Потом, значит, в 90-х годах, законодательно в Республике Марий Эл признали горномарийским языком горномарийский язык, но здесь лингвисты могут спорить, могут доказывать друг другу и то, и другое, и третье, пятое. Но я к этому отношусь следующим образом: это только, наверное, видимо, будущее окончательно покажет, докажет и поставит точку, есть ли язык второй или нет языка второго. Я к этому отношусь так: есть ли язык второй или нет языка второго – это есть все-таки диалектический момент! Точно так же, как есть, допустим, диалектический момент у северных марийцев, которые проживают в Кировской области, в Нижегородской, дальше, допустим, у тех марийцев, которые проживают в Пермском крае, в Свердловской области, в Башкирии. У них у всех есть свои диалектические особенности, они вызваны теми обстоятельствами, в которых они находятся. Тем окружением, где они находятся» (№ 101, М., 67).

О том, что марийских языков – несколько, больше двух, утверждают 24 % респондентов в выборке. В этническом отношении в данной группе представлены все субэтнические группы марийского этноса: десять луговых марийцев, девять уроженцев мест компактного проживания марийского этноса (пять из них являются уроженцами Башкортостана, остальные, незначительное число, – Свердловской и Кировской областей, Татарстана), пять уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл. Основанием для выделения нескольких марийских языков служит для респондентов разделение марийского этноса на несколько субэтнических групп. «Вот в Марий Эл мы вот так разговариваем: у нас есть луговые марийцы и горные марийцы. У нас уже отличается. И мы друг друга даже не понимаем, получается. И то же марийский язык! Дальше. Вот башкиры (марийцы, уроженцы Башкортостана, – прим. М. К.) – они тоже по-другому разговаривают. Удмурты (марийцы, уроженцы Удмуртии, – прим. М. К.) – тоже по-другому разговаривают. Понимаете? Вот

¹ Здесь и далее в скобках последовательно приводятся: 1) номер анкеты респондента; 2) пол респондента; 3) возраст респондента.

сколько у нас марийских языков получается! У каждого свой диалект, получается, у каждого своя культура – и тоже мари!» (№ 45, Ж., 35). «Сколько марийцев, столько и языков. Например, есть луговые мари. Мы более похожи на луговых мари. Есть горномарийцы. У горномарийцев язык немножко другой. Слова другие они применяются. Они по-другому немножко разговаривают. Мы *эрвел* мари, с Башкирии. Есть горные мари, есть луговые мари» (№ 72, М., 47). В этой группе также подчеркивалось (луговыми и восточными марийцами) доминирующее положение лугового марийского среди прочих марийских идиомов. «Больше, конечно, чем один! Для меня самый основной пласт – это луговые марийцы, это мы к ним относимся. Дальше идут горномарийцы. Горные. И дальше там уже пошли... я сама даже не знаю, и по-марийски – то они по-разному называются. Башкирские марийцы. Там еще где-то марийцы. И у нас у всех языки немного отличаются» (№ 53, Ж., 30). «Ну, Горномарийский район – это горномарийский марийский... Ну, три, наверное, основных. Горномарийский, потом наш луговой, который в Республике Марий Эл в основном, ну и башкирский марийский» (№ 80, Ж., 28). Основанием для выделения множества языков служил также критерий низкой взаимопонятности между идиомами. «Луговых абсолютно точно понимаем. К горным – прислушиваешься, да, я понимаю. С горными – на русский переходили, потому что, к сожалению, как-то вот не общались. С кировскими – это вот, видимо, пятый язык. Доводилось с ними общаться. Взять и Пермский край, у них там две деревни целиковые, обособленные, марийские, я с ними встречался, мы часто выезжали туда. И там у них две деревни языковые. Марийский. И вот у них уже тоже другая речь. И кировские – тоже другая речь, но они ближе к луговым, но их можно понять» (№ 106, М., 58). «Как минимум три. Горный, луговой и восточный. Потому что я горный и луговой, на своем опыте знаю, что это абсолютно разные языки, хотя есть там пара-тройка общих слов. Глобальная разница в том, что луговые марийцы меня просто не понимают! Наш ученый Васикова доказала, что горномарийский – это язык, а не диалект, это отдельно существующий язык. Уже ознакомившись с ее трудами, я это тоже поняла. У нас там общих слов четыре-пять-шесть. У нас даже понятия, допустим, местоимения – разные. Я училась в школе, знаю луговой язык, могу то же самое сказать на горномарийском, то есть абсолютно разные. У них умляюты на две гласные буквы, а у нас на всех! У них есть буква *н*, а у нас такой буквы нет. Меня, знаете, какой главный вопрос мучает давно: как мы оказались в одной республике? Как?» (№ 36, Ж., 28).

В целом в данной группе преобладает идея множественности марийских языков ввиду того, что респонденты связывают каждый идиом с той или иной субэтнической группой марийского этноса, распыленного на значительной территории Российской Федерации. Литературный язык, о котором говорили респонденты в первой группе и который служил для них основанием для выделения единого марийского языка, в данном случае представляет собой для респондентов искусственный конструкт. «Я вообще считаю, что есть энное количество. Есть же два литературных языка, это луговой и горный. А луговой еще имеет неисчислимо количество. В нашем Калтасинском районе мы, например, разговариваем так. В Мишкинский район придешь – там по-другому. В Шаранском районе, где марийцы живут, вообще половина слов марийских, половина татарских. И нас всех объединяет только литературный язык! Ну, пытается объединить» (№ 24, Ж., 61, Башкортостан).

Более половины опрошенных (56 % респондентов в выборке) полагают, что марийских языков два. Следует отметить, что в данной группе представлен следующий субэтнический состав: 35 человек являются луговыми марийцами, восемь респондентов – уроженцы Горномарийского района, 13 человек являются уроженцами мест компактного проживания марийского этноса (Кировская область и Башкортостан). Одни связывают наличие двух идиомов с юридическим статусом, закрепленным за горномарийским и луговым в Республике Марий Эл. «Вообще, как бы знают, общепринято, что есть луговой и горный.

Это государственные языки Республики Марий Эл» (№ 1, Ж., 27). По мнению других респондентов, деление марийского на два языка напрямую коррелирует с существованием двух субэтнических групп. «Два. Ну, вот марийцев различают на две группы, есть луговые марийцы и есть горные» (№ 9, Ж., 31). «Два языка. Там как бы есть горные марийцы и луговые» (№ 5, Ж., 56). «Насколько я знаю, их два. Это горные мари и луговые мари. Но у нас как бы луговые мари. Язык» (№ 46, М., 30). Другим основанием служит критерий взаимопонятности идиомов. «Его два. Есть такие, знаете, горные марийцы, которых я практически не понимаю, о чем они говорят. Да из-за слов! Там все – вообще! Просто, о чем там речь. Есть, конечно, очень схожие слова, если прислушиваться или долго общаться, ты, конечно, поймешь. За неделю, естественно, уже можно все выучить и понять, но когда это быстро происходит в каком-то транспорте и он стоит и на горномарийском разговаривает, я его вообще не понимаю» (№ 21, Ж., 41). «Низкая понимаемость у меня с луговыми. У них много слов, может, они из татарского взяты, не знаю. Каких-то диалектов. Я не понимаю их, на самом деле. Там какие-то слова есть пару, когда скажешь – они поймут, а все остальное уже не понимаешь. То есть... разрозненность какая-то есть в языках, нет такого, что... луговой мариец все поймет, что говорит горный мариец и наоборот» (№ 31, М., 36). «Я точно знаю, что их точно два. Потому что не понимают. На моей памяти, когда разговаривают горномарийцы и лугомарийцы, друг друга не понимают. Но мне вот даже отец рассказывал, что если горномариец и лугомариец чистокровные из деревни встретились и у них нет связующего русского языка, то вот больше половины... Ну как – все же обычно переводят, половину русских слов, половина марийских, и тогда уже понимание. А когда две бабушки марийские, одна с одной деревни, другая с другой встретятся, то понимания нет совсем» (№ 59, М., 41).

Приведем любопытные варианты номинаций и в некотором роде предубеждений, представленных в этой группе (выделено курсивом нами – прим. М. К.). «Я всегда с самого детства знал, что *марийский* именно *разделен на два лагеря* – ну, то есть для меня лично всегда было два марийских языка, как раз-таки это горные и луговые» (№ 42, М., 31). «Луговой и горномарийский. Потому что горномарийский язык немножко отличается. И *марийский* немножко отличается» (№ 22, Ж., 51). «Я жила в Моркинском районе, где *языком считается литературный язык*. Меня понять можно. И я понимаю. Не знаю, вот *горномарийский диалект* – он сложнее, но суть, о чем говорится, понимаю. *Диалект башкирских мари* – ну в принципе тоже какие-то слова могут быть мне непонятные, но я могу уточнить. А так – тоже я их понимаю. Лично для меня, *горномарийский – тоже считается государственным. А диалектов еще больше*» (№ 32, Ж., 37). «Потому что есть *луговой, есть горнолуговой*, ну еще я знаю есть какие-то уральские, но это, наверное, какие-то больше диалекты» (№ 69, Ж., 32). «*Горномарийский есть еще язык, он отличается от вот этого обычного языка*» (№ 77, Ж., 27). «Есть *горномарийский*, он крайне вообще отличается, я точно не могу сказать тем. Но на слух вообще отличается! И *марийский*» (№ 85, Ж., 30). «Два. Ну, так и есть – два. *Горномарийский язык есть и марийский*» (№ 99, М., 35). «Два марийских языка – точно знаю. Официально, я так считаю два марийских языка. То есть луговые марийцы и горные марийцы. Я – луговой. *В основном – это луговые марийцы. Горные марийцы – это горномарийский район у нас, один район остался*. Понимаю их, но очень тяжело понимаю» (№ 70, М., 28).

В заключение приведем сводную таблицу (табл. 2), в которой указано место проживания респондента на малой родине и число опрошенных в соответствующей группе, указавших на бытование одного, двух или нескольких (больше, чем двух) марийских идиомов. Ввиду значительного числа выходцев из Башкортостана в выборке, данная категория внереспубликанских марийцев была вынесена в отдельную графу в таблице.

Сводная таблица результатов опроса

Место проживания респондента на малой родине	Число респондентов в выборке	Один марийский язык	Два марийских языка	Несколько (больше двух) марийских языков
Республиканские марийцы (районы распространения лугового марийского)	58	13	35	10
Республиканские марийцы (районы распространения горного марийского)	13	—	8	5
Внереспубликанские марийцы (Республика Башкортостан)	18	5	8	5
Внереспубликанские марийцы (места компактного проживания марийцев: Татарстан, Кировская и Свердловская области)	11	2	5	4

Более половины луговых марийцев в выборке (56 %) выразили мнение, что марийских языков два, 20 % считают, что марийский язык один (при такой номинации горномарийскому, соответственно, приписывается категория диалекта), 24 % полагают, что марийских идиомов больше двух. Горномарийцы в большинстве своем (62 %) считают, что марийских языков два, а 38 % опрошенных (от общего числа горномарийцев в выборке) выразили мнение, что марийских языков больше двух. Примечательно, что ни один горномариец в выборке не утверждал, что марийский язык – один. По мнению уроженцев мест компактного проживания марийского этноса на территории Башкортостана, марийских языков – два (44 %), относительно бытования одного или, напротив, множества языков высказалось одинаковое число респондентов (28 % соответственно в каждой группе). Остальные представители внереспубликанских мари, вынесенных в общую группу ввиду незначительной их представленности в выборке, уверены, что марийских языков два (46 %) (соответственно, их собственный идиом инкорпорируется внутрь одного из названных ими языков), несколько – (36 %), а значит, их собственный идиом категоризируется в качестве языка. Всего 18 % опрошенных полагают, что марийский язык один.

Номинация марийских идиомов в выборке в большей мере обусловлена субэтнической принадлежностью респондентов.

Заключение

Таким образом, номинация марийских идиомов и, собственно, вопрос о количестве марийских языков напрямую коррелируют с категоризацией горномарийского идиома в качестве либо наречия (диалекта) марийского и тогда марийский идиом в своей совокупности представляется языком, либо в качестве самостоятельного языка, а значит, фиксируются два марийских языка. В большей степени это обусловлено экстралингвистическими факторами – политическими событиями на момент образования марийской автономии в 1920-х гг., а также событиями в начале 1990-хх гг., в период так называемого «парада суверенитетов» и, в частности, преобразования Марийской АССР (с 1990 г. Марийской ССР) в Республику Марий Эл. В справочных источниках советского периода, фиксирующих один язык или, напротив, два языка, преимущественно подразумевались две литературные

нормы – горномарийская и лугово-восточная, усилия по объединению которых с целью создания единого литературного языка неоднократно и, впрочем, безуспешно предпринимались в 1920-х, 1950-х и 1990-х гг. Юридический статус, закрепленный за марийским языком в качестве одного из государственных наряду с русским в Республике Марий Эл, имеет довольно туманную формулировку в основном законе Республики Марий Эл: «марийский (горный и луговой)», что является в большей мере политическим компромиссом, итогом длительной политической борьбы за признание горномарийского идиома в качестве языка, а не диалекта (наречия). При этом результаты социолингвистического опроса, который автор статьи провел в марийской диаспоре Московского региона, свидетельствуют о том, что более половины респондентов в выборке (56 %) полагают, что существуют два марийских языка (горный и луговой), 24 % выразили мнение, что марийских языков несколько: «больше двух», тогда как 20 % считают, что марийский язык – один. Номинация марийских идиомов в выборке в большей мере обусловлена субэтнической принадлежностью респондента и личным опытом общения с представителями других субэтнических групп, а не юридическим статусом, закрепленным за тем или иным идиомом.

Литература:

- Агранат Т. Б., Куцаева М. В.** Категоризация нескольких финно-угорских идиомов и языковая лояльность их носителей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 10 (839). С. 11–24.
- Алпатов В. М.** История одного мифа: Марр и марризм. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2011.
- БСЭ 1938** – Марийский язык // Большая советская энциклопедия, Т. 38. М., ОГИЗ РСФСР, 1938. С. 138.
- БСЭ 1954** – Марийский язык // Большая советская энциклопедия, Т. 26. Изд. 2-е. М., Государственное научное издание «Большая советская энциклопедия», 1954. С. 283.
- Васикова Л. П.** Равенство подлинное и мнимое. О чем можно спорить и что принимать как должное [Всенародное обсуждение проекта закона о языках] // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1. Ред. М. Н. Губогло. М., 1996. С. 109–116.
- ВПН 2010** – Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения 30.01.2022).
- Галкин И. С., Сибатрова С. С.** Марийский язык // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Издание 2-е, дополненное. Йошкар-Ола, 2013. С. 97–107.
- Грачева Ф. Т.** Марийский горный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3 томах. Т. II. М.: Наука, 2001. С. 266–274.
- Закон 1995** – Закон Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл» // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 2. Ред. М.Н. Губогло. М., 1996. С. 184–195.
- Иванов И. Г.** История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975.
- Иванов А. Г., Сануков К. Н.** История Марий Эл: учебное пособие. Йошкар-Ола, 2015.
- Ипакова М. Т.** Диалекты марийского языка // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Издание 2-е, дополненное. Йошкар-Ола, 2013. С. 108–116.
- Исанбаев Н. И.** Марийский язык // Младописьменные языки народов СССР. М., Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 439–454.
- Кашкин Е. В.** Полевое изучение восточных говоров горномарийского языка: лингвистическая экспедиция МГУ // XVII Игнатьевские чтения: материалы докладов и выступлений на ежегодной региональной научно-практической конференции "Горные мари в поликультурном пространстве". Йошкар-Ола, 2018. С. 3–12.
- Коведяева Е. И.** Лугово-восточный марийский язык // Языки народов СССР. Т. III Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966а. С. 221–240.
- Коведяева Е. И.** Горномарийский язык // Языки народов СССР. Т. II Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966б. С. 241–254.
- Коведяева Е. И.** Марийский язык // Большая советская энциклопедия, Т.15. М. Изд-во «Советская энциклопедия», 1974. С. 371.
- Коведяева Е. И.** Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976. С. 3–96.

- Коведяева Е. И.** Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (марийский язык). М.: Наука, 1987.
- Коведяева Е. И.** Марийский язык // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993а. С.148–164.
- Коведяева Е. И.** Горномарийский вариант литературного марийского языка // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993b. С.164–173.
- Коведяева Е. И., Николаева И. А.** Марийский луговосточный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3-х томах. Т. II. М., 2001. С. 274–283.
- Козлова К. И.** Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.
- Кондрашкина Е. А.** Динамика функционального развития марийского языка. М.: ИЯ РАН, 2008.
- Кондрашкина Е. А.** Марийский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2016. С. 268–272.
- Конституция** – Конституция Республики Марий. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_mariy/chapter/d60e93439c93a0a5348ed8181732bb33/ (дата обращения 30.01.2022).
- Куцаева М. В.** Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. Лингвистический журнал. 2020, 2. С. 124–150.
- Куцаева М. В.** Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021а. Вып. 3 (33). С. 49–58.
- Куцаева М. В.** Функции этнического языка в марийской диаспоре Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021b. Вып. 4 (34). С. 58–72.
- Куцаева М. В.** Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021. С. 5–34.
- Народы Поволжья и Приуралья.** Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000.
- Петров В. Н.** Марийцы // Народы России: энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 229–231.
- Сануков К. Н.** Из истории Марий Эл: страницы известные и неизвестные: сб. науч. ст. Йошкар-Ола, 2013.
- Сепеев Г. А.** История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006.
- Языки России.** Институт языкознания РАН. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_concept2020.shtml (дата обращения 17.01.2022).

Куцаева Марина Васильевна.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник группы финно-угорских языков отдела урало-алтайских языков.

Институт языкознания РАН.

Пер. Б. Кисловский, 1, стр. 1, г. Москва, 125009.

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Материал поступил в редакцию 28 апреля 2022 г.

M. V. Kutsaeva

On the problem of nomenclature of Mari idioms

The article discusses the nomenclature and classification of Mari idioms, which are recognized as one of the state languages in the Republic of Mari El alongside Russian. While some researchers believe that there is only one Mari language, others argue that there are multiple Mari languages. The article reviews the various names given to Mari idioms in Soviet and post-Soviet literature and concludes that the categorization of Hill Mari as a dialect or an independent language has largely been influenced by political factors, such as the desire of Hill Maris to have their idiom recognized as a separate language rather than a dialect. The author also conducted a sociolinguistic survey in a Moscow region Mari diaspora to determine how Mari speakers perceive their idioms. The survey found that the nomination of Mari idioms is largely based on the respondent's sub-ethnic identity and personal experience with members of other sub-ethnic groups, rather than the legal status of the idioms. The majority of respondents (56 %) indicated that there are “two Mari languages” while 24 % believed there are “several (more than two) Mari languages”. Only 20 % of respondents identified Mari as a single language, and this group was largely composed of Meadow Maris and natives of Bashkortostan.

Keywords: *Mari language, Meadow-Eastern Mari language, Hill Mari language, literary language, legal status of the language.*

References:

- Agranat T. B., Kutsaeva M. V.** Kategorizatsiya neskol'kih finno-ugorskih idiomov I yazykovaya loyal'nost' ih nositelej [Categorization of Several Finno-Ugric Idioms and Language Loyalty of their Native Speakers] // Vestnik MGLU [Vestnik of Moscow State Linguistic University]. 2020. №10 (839). P. 11 – 24. (In Russian).
- Alpatov V. M.** Istoriya odnogo mifa: Marr I marrizm [History of one myth: Marr and marrism]. Moscow, Editorial URSS, 2011. (In Russian).
- BSE 1938** – Marijskij yazyk [Mari language] // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia], Vol. 38. Moscow, 1938. P. 138. (In Russian).
- BSE 1954** – Marijskij yazyk [Mari language] // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia], Vol. 26. Moscow, 1954. P. 283. (In Russian).
- Galkin I. S., Sibatrova S. S.** Marijskij yazyk [Mari language] // Marijtsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Maris. Historical-ethnographic outlines]. Yoshkar-Ola, 2013. P. 97–107. (In Russian).
- Gracheva F. T.** Marijskij gornyj yazyk [Mari Hill language] // Yazyki Rossijskoj Federatsii i sosednih gosudarstv. Entsiklopediya v 3-h tomah. [Languages of the Russian Federation and neighbouring states. Encyclopedia in 3 volumes]. Vol. II. M., Nauka, 2001. P. 266 – 274. (In Russian).
- Ipakova M. T.** Dialekty marijskogo yazyka [Dialects of Mari language] // Marijtsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Maris. Historical-ethnographic outlines]. Yoshkar-Ola, 2013. P. 108–116. (In Russian).
- Isanbaev N. I.** Marijskij yazyk [Mari language] // Mladopis'mennye yazyki narodov SSSR [Newly written languages of the peoples of the USSR]. Moscow, Leningrad, 1959. P. 439–454. (In Russian).
- Ivanov A. G., Sanukov K. N.** Istoriya Marij El: uchebnoe posobie [History of Mari El: a manual]. Yoshkar-Ola, 2015. (In Russian).
- Ivanov I. G.** Istoriya marijskogo literaturnogo yazyka [History of Mari literary language]. Yoshkar-Ola, 1975. (In Russian).
- Kashkin E. V.** Polevoe izuchenie vostochnyh govorov gornomarijskogo yazyka: lingvisticheskaya ekspeditsiya MGU [Field study of eastern dialects of Hill Mari language: MSU linguistic expedition] // XVII Ignat'evskie chteniya. Materialy dokladov I vystuplenij [XVII Ignatiev's readings. Materials of reports and presentations]. Yoshkar-Ola, 2018. P. 3–12. (In Russian).
- Kondrashkina E. A.** Dinamika funktsional'nogo razvitiya marijskogo yazyka [Dynamics of functional development of Mari language]. Moscow, 2008. (In Russian).
- Kondrashkina E. A.** Marijskij yazyk [Mari language] // Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya [Language and society. Encyclopedia]. Moscow, 2016. P. 268 – 272. (In Russian).
- Konstitutsiya** – Konstitutsiya Respubliki Marij El [The Constitution of the Republic of Mari El]. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_marij/chapter/d60e93439c93a0a5348ed8181732bb33/. (accessed 30.01.2022). (In Russian).
- Kovedyayeva E. I.** Lugovo-vostochnyj marijskij yazyk [Meadow – Eastern Mari language] // Yazyki narodov SSSR. T.III Finno-ugorskie i samodijskie yazyki [Languages of the Peoples of the USSR. Vol. III. Finno-Ugric and Samoyedic languages]. Moscow, 1966a. P. 221–240. (In Russian).
- Kovedyayeva E. I.** Gornomarijskij yazyk [Hill Mari language] // Yazyki narodov SSSR. T.III Finno-ugorskie i samodijskie yazyki [Languages of the Peoples of the USSR. Vol. III. Finno-Ugric and Samoyedic languages]. Moscow, 1966b. P. 241–254. (In Russian).
- Kovedyayeva E. I.** Marijskij yazyk [Mari language] // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia], Vol. 15. Moscow, 1974. P. 371. (In Russian).
- Kovedyayeva E. I.** Marijskij yazyk [Mari language] // Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Marijskij, permskie i ugarskie yazyki [Basics of Finno-Ugric linguistics. Mari, Perm and Ugric languages]. Moscow, 1976. P. 3–96. (In Russian).
- Kovedyayeva E. I.** Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (marijskij yazyk) [Areal studies on eastern Finno-Ugric languages (Mari language)]. M., Nauka, 1987.
- Kovedyayeva E. I.** Marijskij yazyk [Mari language] // Yazyki mira: Ural'skie yazyki [Languages of the world: Uralian languages]. Moscow, Nauka, 1993a. P. 148–164. (In Russian).
- Kovedyayeva E. I.** Gornomarijskij variant literaturnogo marijskogo yazyka [Hill Mari variant of literary Mari language] // Yazyki mira: Ural'skie yazyki [Languages of the world: Uralian languages]. Moscow, Nauka, 1993b. P. 164–173. (In Russian).
- Kovedyayeva E. I., Nikolayeva I. A.** Marijskij lugovovostochnyj yazyk [Mari Meadow-eastern language] // Yazyki Rossijskoj Federatsii i sosednih gosudarstv. Entsiklopediya v 3-h tomah. [Languages of the Russian Federation and neighbouring states. Encyclopedia in 3 volumes]. Vol. II. Moscow, Nauka. P. 274 – 283. (In Russian).
- Kozlova K. I.** Ocherki etnicheskoy istorii marijskogo naroda [Outlines of Mari people's ethnic history]. Moscow, 1978. (In Russian).

Kutsaeva M. V. Marijtsy Moskvyy: etnicheskaya identichnost' i yazykovaya loy'al'nost' v usloviyah vnutrennej diaspor [Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty] // Rodnoj Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal [Native language. Linguistic journal]. 2020. № 2. P. 124–150. (In Russian).

Kutsaeva M. V. Rannee osvoenie etnicheskogo yazyka v marijskoj diaspore moskovskogo regiona [Early language acquisition in Moscow region Mari diaspora] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021a. 3 (33). P. 49–58. (In Russian).

Kutsaeva M. V. Funktsii etnicheskogo yazyka v marijskoj diaspore moskovskogo regiona [Functions of the ethnic language in the Mari diaspora of the Moscow region] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021b. 4 (34). P. 58–72. (In Russian).

Kutsaeva M. V. Novye nositeli marijskogo kak faktor vital'nosti etnicheskogo yazyka v diaspore [New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality] // Rodnoj Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal [Native language. Linguistic journal]. 2021c. 2. P. 5–34. (In Russian).

Narody Povolzh'ya i Priural'ya – Narody Povolzh'ya i Priural'ya. Komi-zyryane. Komi-permyaki. Marijtsy. Mordva. Udmurty [Peoples of the Volga and the Urals region. Komi-Zyryans. Komi-Permians. Maris. Mordovians. Udmurts]. Moscow, 2000. (In Russian).

Petrov V. N. Marijtsy [Maris] // Ed. Tishkov V. A. Narody Rossii: entsiklopediya [Peoples of Russia: encyclopedia]. Moscow, 1994. P. 229–231. (In Russian).

Sanukov K. N. Iz istorii Marij El: stranitsy izvestnye i neizvestnye: sbornik nauchnyh statej [From the history of Mari El: pages known and unknown: a collection of papers]. Yoshkar-Ola, 2013. (In Russian).

Sepeyev G. A. Istoriya rasseleniya marijtsev [History of Maris' settlement]. Yoshkar-Ola, 2006. (In Russian).

Vasikova L. P. Ravenstvo podlinnoe i mnimoe. O chem možno sporit' i chto prinimat' kak dolzhnoe [Vsenarodnoe obsuzhdenie proekta zakona o yazykah]. [Real and false equality. What can be argued about or taken for granted [Public discussion of a Law on Languages]] // Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Mari El [The wakening of Finno-Ugric North. The Mari El experience]. Ed. M. N. Guboglo. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 109–116. (In Russian).

VPN 2010 – Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda [The 2010 All-Russian Census]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04—07.pdf. (30.01.2022). (In Russian).

Yazyki Rossii [Languages of Russia]. Institute of Linguistics RAS. http://jazykif.iling-ran.ru/list_concept2020.shtml (accessed 17.01.2022). (In Russian).

Zakon 1995 – Zakon Respubliki Marij El «O yazykah v Respublike Marij El» [Law of the Republic of Mari El “On the languages in the Republic of Mari El”] (1995). Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Mari El [The wakening of Finno-Ugric North. The Mari El experience]. Ed. M. N. Guboglo. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 184–195. (In Russian).

Kutsaeva Marina Vasilievna.

Candidate of philological sciences.

Research fellow group for Finno-Ugric languages, department of Ural-Altaic languages

RAS, Institute of Linguistics.

B. Kislovskij lane, 1, build.1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru